

МЕЖДУНАРОДНОЕ АКАДЕМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО INTERNATIONAL ACADEMIC COOPERATION

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-1-133-146

EDN: LMLJZR

Научная статья / Research article

Добро пожаловать, или Посторонним вход разрешен: эмоциональные и бытовые аспекты жизни американских стажеров в СССР 1960-х гг.

А.А. Фокин^{1,2,3} , Н.А. Яновская⁴

¹Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Российская Федерация

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Российская Федерация

³Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский университет), Москва,
Российская Федерация

⁴Независимый исследователь, Москва, Российская Федерация
 aafokin@yandex.ru

Аннотация. Проанализирован опыт американских стажеров в Советском Союзе 1960-х гг. в контексте реализации программы советско-американских академических обменов, осуществлявшихся согласно Соглашению Лэйси — Зарубина 1958 г. Исследование основано на изучении эго-документов (мемуаров и интервью участников программы), что позволяет рассмотреть эмоциональные и бытовые аспекты пребывания американских студентов в СССР. Детально описано восприятие американскими стажерами советской повседневности, включая условия проживания в общежитиях, организацию питания, специфику совершения покупок в магазинах, а также их общую оценку городского пространства Москвы. Существенное внимание уделено характеру взаимодействия с советскими студентами, которые, вопреки предварительным ожиданиям американских участников, демонстрировали незначительный интерес к идеологическим вопросам, но проявляли активное любопытство к бытовым аспектам американской жизни. Рассмотрены трудности, с которыми сталкивались американские исследователи при работе в советских архивах и библиотеках, включая бюрократические препятствия и ограничения доступа к материалам. Отдельно проанализированы диспропорции в политике обмена: если американская сторона направляла преимущественно специалистов-гуманитариев, то советские участники были в основном представителями естественных наук. Прослеживается преемственность с моделью 1930-х гг., когда советские инженеры перенимали американский технологический опыт. Методологически исследование базируется на подходах истории повседневности и истории эмоций, что позволяет интерпретировать субъективность восприятия участников научного обмена не как ограничение, а как значимый источник для понимания межкультурного взаимодействия в период холодной войны. Несмотря на значительное количество мероприятий, осуществленных в рамках Соглашения между СССР и США об обменах в области науки, техники, образования, культуры и других областях, в том числе и в сфере академического обмена, инициатива не достигла своей главной цели по сближению двух режимов. Однако программа способствовала формированию нового поколения американских советологов, которые,

© Фокин А.А., Яновская Н.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

подобно Шейле Фицпатрик, внесли существенный вклад в пересмотр традиционных подходов к изучению советской истории.

Ключевые слова: советско-американские отношения, академические обмены, холодная война, история повседневности, история эмоций, эго-документы, советология, культурная дипломатия, Соглашение Лэйси — Зарубина, студенческая мобильность

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках реализации проекта РНФ № 24-78-10184 «Формирование и развитие научно-технических кластеров в пригородах Москвы и Ленинграда/Санкт-Петербурга в 1960-е — 2010-е гг. : вузы, наука, индустрия».

Для цитирования: Фокин А. А., Яновская Н. А. Добро пожаловать, или Посторонним вход разрешен: эмоциональные и бытовые аспекты жизни американских стажеров в СССР 1960-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 1. С. 133–146. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-133-146>

Welcome, or Entry Permitted to Outsiders: Emotional and Everyday Aspects of the Lives of American Trainees in the USSR in the 1960s

Aleksandr A. Fokin^{1,2,3} , Nadezhda A. Yanovskaya⁴

¹HSE University, Moscow, Russian Federation

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

³First Moscow State Medical University named after I.M. Sechenov, Ministry of Health of Russia (Sechenov University), Moscow, Russian Federation

⁴Independent Researcher, Moscow, Russian Federation

 aafokin@yandex.ru

Abstract. This article examines the experiences of American trainees in the Soviet Union in the 1960s, within the framework of the Soviet-American academic exchange program implemented under the 1958 Lacy — Zarubin Agreement. The study is based on the analysis of ego-documents (memoirs and interviews of program participants), enabling an examination of the emotional and everyday aspects of American students' stay in the USSR. The paper provides a detailed analysis of the trainees' perceptions of Soviet daily life, including living conditions in dormitories, meal arrangements, shopping practices, and their overall impressions of Moscow's urban environment. Particular attention is paid to interactions with Soviet students, who, contrary to the initial expectations of the American participants, showed little interest in ideological discussions but displayed an active curiosity about the everyday life of Americans. The study also addresses the challenges faced by American researchers when working in Soviet archives and libraries, including bureaucratic hurdles and limited access to materials. The article highlights the asymmetry in the exchange policies: while the American side predominantly sent humanities scholars, the Soviet participants were primarily representatives of the natural sciences. The study identifies a continuity with the model of the 1930s, when Soviet engineers absorbed American technological expertise. Methodologically, the research is grounded in approaches from the history of everyday life and the history of emotions, interpreting the subjectivity of the participants' perceptions not as a limitation but as a valuable resource for understanding intercultural interaction during the Cold War. Despite the significant number of initiatives conducted under the USSR — USA Agreement on Exchanges in Science, Technology, Education, Culture, and other areas, including academic exchanges, the program failed to achieve its primary goal of rapprochement between the two regimes. However, the program contributed to the formation of a new generation of American Sovietologists who, like Sheila Filzpatrick, made significant contributions to the revision of traditional approaches to the study of Soviet history.

Key words: Soviet-American relations, academic exchanges, Cold War, history of everyday life, history of emotions, ego-documents, Sovietology, cultural diplomacy, Lacy — Zarubin Agreement, student mobility

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article's text.

Acknowledgements. The research was carried out within the framework of the Russian Science Foundation project No. 24-78-10184 "Formation and development of scientific and technical clusters in the suburbs of Moscow and Leningrad/St. Petersburg in the 1960s – 2010s: universities, science, industry".

For citation: Fokin, A. A., & Yanovskaya, N. A. (2025). Welcome, or Entry permitted to outsiders: Emotional and everyday aspects of the lives of American trainees in the USSR in the 1960s. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(1), 133–146. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-133-146>

Введение

«После десяти дней в море и еще трех в поездах нас с облегчением встретили бодрые русские студенты на микроавтобусе и одно-тонном грузовике с открытым кузовом и брезентовым тентом, чтобы забрать нас с багажом для поездки в общежитие»¹, – так могло бы выглядеть начало одного из ранних произведений Владимира Аксенова, но это фрагмент из воспоминаний о первой встрече с советской действительностью американского аспиранта, приехавшего на учебу в СССР. В этом отрывке важно не столько описание деталей советской повседневности в виде микроавтобуса и брезентового тента, сколько эмоциональная реакция человека, который одним из первых пересекает «железный занавес» по своей воле как посланник «научной дипломатии».

В рамках данного исследования нас в первую очередь будет интересовать, как советские и американские аспиранты описывали свой опыт взаимодействия с другой страной и системой. Основными источниками в исследованиях стали материалы эго-документов участников обмена: воспоминания Шейлы Фицпатрик² и обширное интервью с Наоми Коллинз³, супругой участника обмена Дж. Коллинза. Эти материалы были дополнены различными делопроизводственными документами, отражающими бюрократические аспекты реализации программы обмена на рубеже 1950–1960-х гг.

¹ Collins N. F. *Through Dark Days and White Nights : Four Decades Observing a Changing Russia*. Washington, DC : New Academia Publishing, 2012.

² Filzpatrick S. A Student in Moscow, 1966 // *The Wilson Quarterly*. 1982. Vol. 6, no. 3. P. 132–141.

³ Collins N. Interview // ADST. 2013. URL: <https://adst.org/OH%20TOCs/Collins-Naomi.pdf> (accessed: 12.09.2023).

В современной историографии советско-американских отношений мало изученным сюжетом является академический обмен между двумя странами, который проходил в рамках Соглашения между СССР и США об обменах в области науки, техники, образования, культуры и других областях (Соглашение Лэйси — Зарубина), подписанного в 1958 г. Соглашение охватывало достаточно широкий спектр сфер деятельности: от гастролей театра до установления прямого авиасообщения⁴. В рамках историографии культуры холодной войны рассмотрены различные аспекты: музыка (Tomoff, 2015), танцы (Croft, 2015), телевидение (Roth-Ey, 2011), литература (Barnhisel, 2015), культурные обмены (Richmond, 1987), а также международные выставки (Wulf, 2015). Однако в рамках данной статьи акцент сделан на обмене молодыми учеными двух стран, поскольку именно наука наряду со спортом виделась как место сотрудничества и соперничества двух систем. Участниками этих программ обмена были не только молодые исследователи, но и в некотором смысле неформальные дипломаты, которые должны были как наблюдать за зарубежной академической и культурной средой, так и представлять свою собственную страну в международной обстановке.

Было бы неверно утверждать, что история студенческих обменов — совершенно неизученная тема, однако сравнительно немногие ученые исследовали ее глубоко. Так, в 2013 г. был издан сборник документов⁵,

⁴ Text of Lacy — Zarubin Agreement // *New York Times*. 1958. January 28.

⁵ «Возвратить домой друзьями СССР...» : обучение иностранцев в Советском Союзе. 1956–1965 / отв. сост. Т. Ю. Красовицкая. Москва : МФД, 2013.

посвященный обучению иностранцев в Советском Союзе в 1956–1965 гг. Примечательно, что в этот сборник не включены материалы об американских стажерах, однако он дает более широкий контекст для понимания опыта иностранных студентов в СССР, подчеркивая как преимущества, так и проблемы, с которыми они столкнулись.

Программы студенческого обмена также анализировались в рамках исследований культурной дипломатии. В отечественной историографии данная тема представлена в коллективной монографии под редакцией О.С. Нагорной (Советская культурная дипломатия в условиях холодной войны..., 2018). Несмотря на то, что в ней в качестве студентов по обмену не рассматриваются американские стажеры, авторами раскрываются механизмы и стратегические цели советских программ обмена в других странах.

Аналогичная ситуация сложилась с исследованием студенческих обменов, которое М.В. Бекленищева (2021) провела на региональном материале. Особого внимания заслуживают работы Н.А. Цветковой (Цветкова, 2006; 2007; Цветкова, Цветков, 2020), в которых механизм студенческих обменов рассматривается как инструмент «мягкой силы» во внешней политике как СССР, так и США в период холодной войны в контексте более широких практик, реализуемых в странах советского блока, а также в регионах, где геополитические интересы двух сверхдержав пересекались.

Также внимания заслуживают работа С. Жука (Zhuk, 2017) о роли Комитета государственной безопасности (КГБ) в советской американистике, в том числе его влияние на участников обмена, монография Й. Ричмонда (Richmond, 2003), в которой проводится анализ культурных встреч между двумя противниками холодной войны, рассматривая реализацию и влияние Соглашения Лейси — Зарубина, а также монография, изданная в 1976 г., в которой собраны личные впечатления от американских организаторов программы обмена, проливающие свет на структуру, цели и проблемы программы (Byrnes, 1976).

Методология

Историки все чаще обращаются к дневникам и другим эго-документам как к ценным источникам для исторических исследований. Важным вкладом в развитие методологии работы с эго-документами стала книга Г. Янке (Jancke, 2002), в которой он на ранних материалах современной истории показывает, что самоповествование представляет собой социальную практику. Таким образом, эго-документы встроены в более широкие социальные контексты, а не служат чисто индивидуальными или субъективными отчетами.

Для изучения советского времени знаковой работой стала книга Й. Хелльбека «Революция от первого лица. Дневники сталинской эпохи» (Hellbeck, 2006). Опираясь на концепцию Мишеля Фуко, Й. Хелльбек стремится реконструировать процесс формирования советской субъективности, подчеркивая, что субъективность — это не просто индивидуальная черта, а скорее способность мыслить и действовать, сформированная всеобъемлющей концепцией представлений о самом себе.

Важно отметить, что современные подходы к анализу дневников и эго-документов отошли от более ранних интерпретаций, которые позиционировали их как метафорическую «замочную скважину» в сознание автора. Если раньше авторы противопоставляли «обманчивые» официальные тексты, искажающие действительность, «искренним» эго-документам, описывающим то, что реально думал автор, то сейчас дневники и другие эго-документы анализируются через устойчивые нарративные стратегии. Даже когда человек пишет дневник для личного пользования, а не для публикации, он все равно участвует в структурированных социальных практиках саморепрезентации. Таким образом, эго-документы служат не только отражением исторической реальности, но и ценными источниками для анализа социальных практик и субъективности.

Важной методологической рамкой для данного исследования является история эмоций. Изучение истории эмоций охватывает широкий спектр подходов и методологий, каждая из которых предлагает уникальное

понимание сложного взаимодействия эмоций и человеческого опыта с течением времени (Plamper, 2015; Boddice, 2018; Rosenwein, 2018). Ключевым методологическим инструментом в этой области является изучение эго-документов, включая дневники, письма и мемуары, которые предоставляют доступ к личному эмоциональному опыту и субъективному восприятию. Анализируя эти первичные источники, исследователи могут проследить изменения в выражении эмоций и формировании идентичности с течением времени (Slabáková, 2018; Magnússon, 2022; Almendral, 2020).

Документируя личный опыт и эмоциональные реакции иностранцев, посещавших СССР, дневники способствуют сохранению уникального аспекта истории, который в противном случае мог бы остаться незамеченным. Однако важно признать, что эти источники не дают непредвзятого представления советской действительности, скорее конструируя образ Советского Союза, опосредованный многочисленными слоями социального и культурного восприятия.

Предыстория обмена

Инициатива создания программы обмена между двумя странами исходила от американской стороны и была связана как с потеплением отношений между странами в ходе Второй мировой войны, так и с повышением значимости СССР на международной арене. Однако первые попытки наладить такие обмены были встречены сопротивлением со стороны советского руководства. Предложения, выдвинутые правительством США в 1945 г. и затем в 1953 г., были отклонены, а советские чиновники выразили обеспокоенность тем, что иностранные ученые будут действовать как агенты идеологической подрывной деятельности, потенциально дестабилизируя советское общество (Цветкова, 2006, с. 120–123). Этот глубоко укоренившийся скептицизм нашел отражение в воспоминаниях Никиты Хрущева, который позже отметил, что советские власти долгое время относились к иностранным гостям с подозрением, видя в каждом из них «неразоблаченного

врага, приезжающего с целью вербовки советских людей»⁶.

К концу 1950-х гг. советское правительство начало пересматривать свою позицию. Расширение участия в научно-техническом сотрудничестве наряду с более широкими усилиями по проецированию советских достижений на мировую арену способствовало более благоприятному взгляду на академические обмены. К этому времени СССР уже создал надежную систему образовательных обменов, в первую очередь в рамках социалистического блока. Эти программы были разработаны для интеграции советских образовательных моделей в академические системы союзных стран и продвижения социалистической идеологии среди иностранных студентов. Однако Соглашение Лейси — Зарубина 1958 г. ознаменовало фундаментальный сдвиг: вместо того чтобы укреплять идеологическую однородность, эта инициатива создала основу для академического взаимодействия между двумя геополитическими соперниками. Это было не просто расширение существующих программ обмена, а скорее смелый эксперимент в области культурной дипломатии, который должен был познакомить как американских, так и советских студентов с незнакомой социальной и политической реальностью.

Москва глазами иностранцев

Если опираться на эго-документы американских стажеров в СССР и исследования, проведенные на их основе, центром жизни являлись общежития, в которых их размещали по приезде. Выходя за пределы этого локуса, Н. Коллинз и Ш. Фицпатрик описывают Москву середины 1960-х гг. поразительно схожим языком. Оба автора создают образ города как унылого, устаревшего и монотонно серого. Тем не менее, примечательное совпадение в их описаниях поднимает вопросы о том, в какой степени эти рассказы отражают материальную реальность того времени или же они были сформированы

⁶ Хрущёв Н. С. *Время. Люди. Власть. (Воспоминания)*. Книга III. Москва : ИИК «Московские новости», 1999. С. 366.

предубеждениями и преобладающими нарративами холодной войны. Так, получая опыт восприятия Москвы обособленно друг от друга, обе участницы условно выделяют два горизонта застройки: в то время как у Ш. Фицпатрик это выразительные метафоры, включающие образную аналогию («свадебные торты» сталинских высоток и их антагонисты — скромные двухэтажные деревянные дома)⁷, Н. Коллинз принимает более утилитарную классификацию, различая «ветхие здания» (*shoddy buildings*) и «элитное жилье» (*luxury housing*) для партийной элиты. Однако она быстро оговаривается, что даже эти так называемые элитные квартиры по американским стандартам можно было бы сравнить только с многоквартирными домами в Бруклине 1930-х гг. Полученное впечатление она называет *time warp* — разрыв во времени, составивший для автора более 30 лет и вызвавший негодование и разочарование, которое она интерпретирует как символ застоя города. Она тщательно формулирует эту реакцию не как чисто личное чувство, а как то, что она приписывает западным наблюдателям в более широком смысле, называя сформировавшийся у нее образ СССР «сконструированным» и предполагая, что ее опыт подтвердил, а не опроверг ранее существовавшие представления о советском государстве⁸.

Эта линия находит продолжение и при бытописании общежитий, где демонстрируется непритязательность и строгость советских людей. Н. Коллинз описывает жилье, которое было предоставлено ей и ее мужу, как «роскошное по московским стандартам того времени», подчеркивая два ключевых аспекта: резиденция была частной, и в ней была ванная комната — удобства, которые отнюдь не были стандартом для советского студенческого жилья⁹. Аналогичная сдержанная, но положительная оценка появилась в обзоре, опубликованном в журнале *Times* за ноябрь 1962 г. (Н. Коллинз оценивала

условия как «роскошная жизнь» (*luxury living*), корреспонденты ограничиваются оценкой «комфортное» (*comfortable*).) Отмечалось, что «американцы проживают в комфортных двухкомнатных номерах в общежитии. Десять женатых стажеров разделяют номера с их супругами»¹⁰. В обзоре также подчеркивается фундаментальный аспект советской домашней культуры, а именно то, что еда готовилась совместно либо на общих кухнях, либо на одноконфорочных электрических плитах в комнатах общежития. При этом такой стандартный элемент советского быта, как одноконфорочная электрическая плита («плитка»), вынесена в подзаголовок "*Herring & Hot Plates*" («Селедка и электрическая плитка»), представляющий эту деталь как экзотическую диковинку и символ трудностей жизни в СССР. Такой выбор слов должен был подчеркнуть более широкую тенденцию эпохи холодной войны, распространенную на Западе, представлять советскую повседневную жизнь в свете лишений и отчуждения, часто подчеркивая те аспекты, которые отклонялись от западных норм.

Тем не менее условия проживания американских студентов значительно различались в зависимости от их размещения в университете. Студенты, принятые на академический год Ленинградским государственным университетом, который воспринимался западными наблюдателями как более близкий к советскому провинциальному опыту, оценивают свои условия проживания как «гораздо более убогие» (*far seedier dormitories*) в сравнении со стажерами Московского государственного университета (МГУ). Эта оценка в значительной степени основывалась на различиях в количестве студентов в комнате и ожиданиях совместного использования ресурсов. В то время как студенты по обмену в Москве наслаждались относительно приватными помещениями, те, кто жил в Ленинграде, часто делили свое пространство с двумя или тремя соседями по комнате и придерживались системы, в которой почти все — еда, одежда и книги — было общим, за заметным исключением предметов личной

⁷ Fitzpatrick S. A Student in Moscow, 1966 // *The Wilson Quarterly*. 1982. Vol. 6, no. 3. P. 133.

⁸ Collins N. Interview // ADST. 2013. P. 44–45. URL: <https://adst.org/OH%20TOCs/Collins-Naomi.pdf> (accessed: 12.09.2023).

⁹ Ibid. P. 44.

¹⁰ U.S. Students in Russia // *Time*. 1962. November 30. P. 66.

гигиены, таких как зубная паста. Этот коммунальный дух показался американским студентам символом того, что в одном отчете было названо “*the Russian passion*” — культурной склонностью делиться всем с соседом, концепцией, которая резко контрастировала с американским акцентом на индивидуальной собственности и личном пространстве. Западное восприятие этой практики колебалось между очарованием и дискомфортом, в конечном итоге укрепляя более широкий образ советского коллективизма как чуждого для них, если не полностью непостижимого. Подзаголовок *Share & Share Alike*, используемый в некоторых западных отчетах об опыте обмена, представляет собой интригующую лингвистическую двусмысленность: хотя его можно понять как акцент на взаимной щедрости, он также вызывает в памяти фразу «разделяй и властвуй», избитый троп времен холодной войны, используемый для изображения советского общества как жестко иерархичного и контролируемого государством. Такие риторические стратегии, хотя и внешне нейтральные, деликатно подчеркивают преобладающие западные стереотипы об СССР как об авторитарном государстве, в котором индивидуальная деятельность была подчинена принудительному коллективизму.

Советские студенты глазами американцев

Если любопытство советских студентов было ключевым фактором взаимодействия, какова была его природа? С точки зрения американских стажеров, одним из самых удивительных аспектов их встреч было явное отсутствие идеологической вовлеченности среди их советских сверстников. Вопреки преобладающим ожиданиям советские студенты не украшали свои комнаты портретами теоретиков марксизма или советских лидеров и не проявляли особого интереса к геополитической динамике холодной войны¹¹. Н. Коллинз еще в 1960-х гг. назвала их «скептиками советской системы», отмечая, что единственными настоящими марксистами, которых можно было встретить в Москве, были те, кто

работал на КГБ. Причем студенты были равнодушны не только к идейным основам, но и к транслирующим их культурным практикам, — парадам, празднованиям и передачам на радио и телевидении, что еще больше усиливало впечатление, что идеологический пыл в значительной степени отсутствовал в повседневной жизни советского студенчества¹². Эти выводы были основаны на прямом взаимодействии между двумя группами, которое происходило не только в общих помещениях, таких как коридоры общежитий и общие кухни, но и в более приватной обстановке. Советские и американские студенты часто посещали комнаты друг друга, пили чай и вели длительные дискуссии. Примечательно, что именно советские студенты были лидерами в этих беседах, задавая бесконечный поток вопросов, в то время как американцы в основном оказывались в роли респондентов.

Основным предметом обсуждения, вызывающим особый интерес сторон, Н. Коллинз называет «американскую пропаганду». Однако более пристальное изучение приведенных ею вопросов показывает, что эти обсуждения редко затрагивали откровенно политические темы. Чаще всего советские студенты фиксировались на деталях повседневной жизни американцев, особенно на аспектах, которые были визуально доступны через зарубежные журналы и фотографии. Вместо того чтобы анализировать содержание западных публикаций, они внимательно изучали изображения, спрашивая о количестве людей, живущих в пригородных домах, были ли изображенные автомобили частными и имелись ли в среднестатистических домах американцев современные бытовые приборы, такие как стиральные машины и телевизоры.

Линия исследования вращалась вокруг материальной культуры, охватывая предметы и удобства, которые либо отсутствовали в советской повседневной жизни, либо функционировали по-другому. Коллинз интерпретирует эту любознательность как проявление глубоко укоренившегося недоверия к советским СМИ. Так же как они скептически

¹¹ U.S. Students in Russia // *Time*. 1962. November 30. P. 66.

¹² Collins N. Interview // ADST. 2013. P. 45. URL: <https://adst.org/OH%20TOCs/Collins-Naomi.pdf> (accessed: 12.09.2023).

относились к советским государственным изданиям, советские студенты применяли тот же критический подход к американским журналам, подозревая, что эти глянцевого изображения выборочно представляли только самые благоприятные аспекты жизни на Западе. Она отмечает, что предоставленный ею американский журнал в значительной степени подтвердил это подозрение, поскольку он демонстрировал идеализированное видение Соединенных Штатов, тщательно опуская любые упоминания о бедности или социальной борьбе. Особенно вопиющим упущением, замечает она, было исключение материала о расовом неравенстве; обсуждения жизни афроамериканцев в США были оформлены в амбициозной манере, избегая упоминания о системных экономических трудностях. Такие упущения, как она предполагает, естественным образом вызвали бы сомнения у советских студентов, усилив их инстинктивную настороженность и по отношению к рассказам американских стажеров. Ирония, конечно, в том, что западные гости часто воспринимали советских граждан как изначально ограниченных государственным контролем, обремененных страхом и нерешительностью в своих взаимодействиях с иностранцами. Однако рассказ Н. Коллинз представляет более тонкую реальность: советские студенты были не пассивными получателями идеологии, а активными участниками постоянного диалога, применяя свои собственные критические рассуждения как к внутренним, так и к зарубежным источникам информации. Их любопытство было не просто продуктом невежества, а отражением их попытки примирить два конкурирующих видения мира — одно, представленное советскими властями, другое — мельком увиденное через фрагментарные образы Запада. Завершая свое обсуждение этих обменов, Наоми Коллинз утверждает, что она и ее муж были откровенны в своих взаимодействиях с советскими студентами, не прилагая никаких усилий, чтобы приукрасить или романтизировать Соединенные Штаты¹³. Это способствовало уровню

доверия между американскими стажерами и их советскими коллегами. Однако более пристальное изучение ее собственного повествования предполагает более неоднозначную реальность. Само понятие прозрачности в таких диалогах осложняется изначально избирательным характером обмениваемой информации — как со стороны американских визитеров, так и со стороны их советских собеседников.

Исследователи советского студенческого сообщества этого периода подтверждают наличие оппозиционных настроений у части его представителей. Содержание таких настроений Г.А. Будник определяет как «разочарование в ценностях социализма и авторитете власти» (Будник, 2011, с. 94–98), что во многом созвучно с наблюдениями американских стажеров. Однако одновременно с этим исследователь показывает, что причины кризиса политического сознания учащихся лежат не столько в сфере внешней политики, сколько являются закономерной частью идеологической переоценки, развернувшейся после разоблачения культа личности И.В. Сталина.

Для советских студентов восприятие альтернативных точек зрения — будь то через иностранных гостей, западную литературу или радиопередачи — необязательно означало полное неприятие советской системы. Это было лишь частью более широкой интеллектуальной и культурной переоценки, которая включала поиск ответов на фундаментальные вопросы об их обществе и будущем направлении его развития. В этом контексте увлечение веяниями из-за рубежа вышло за рамки политики и охватило образ жизни, моду и молодежную идентичность. Ярким примером этого является движение стиляг, которое, хотя его часто неверно характеризовали как форму политического инакомыслия, было в первую очередь утверждением альтернативной молодежной субкультуры, которая присваивала западные культурные символы без явных идеологических коннотаций.

Более того, хотя Запад, несомненно, имел определенную привлекательность для отдельных групп советского студенчества, он не был единственной точкой отсчета в их

¹³ Collins N. Interview // ADST. 2013. P. 46–47. URL: <https://adst.org/OH%20TOCs/Collins-Naomi.pdf> (accessed: 12.09.2023).

идеологических и культурных исследованиях. Некоторые студенты стремились переосмыслить основополагающие принципы советского государства, участвуя в процессе критической рефлексии, которую они необязательно воспринимали как антисоветскую (Пыжиков, 2002, с. 218–219). Поэтому поиск идеологических альтернатив не был простым принятием западных идеалов. Скорее, он отражал более общую проблему, связанную с неустойчивостью советских идеологических и моральных парадигм в постсталинскую эпоху. В рамках такого видения становится очевидным, что понимание советскими студентами Соединенных Штатов было во многих отношениях поверхностным и фрагментарным. Не имея систематических знаний об американском обществе, они подходили к нему как к незнакомому и в значительной степени неизведанному предмету. Этот эпистемический разрыв в сочетании с более широкой неопределенностью их собственной политической и культурной среды объясняет искреннее любопытство, которое многие советские студенты проявляли к своим американским коллегам. Этот интерес нельзя объяснить исключительно интригами холодной войны, он, скорее, отражает более широкую интеллектуальную и культурную нестабильность, характерную для Советского Союза в этот период.

Быт американских стажеров: исследование советской потребительской культуры

Одной из самых неотложных и осязаемых проблем, с которой столкнулись американские стажеры в Советском Союзе, была адаптация к реалиям закупки продовольствия и ежедневного питания. «Даже покупка банки сельди — это образование», — так отзывался один из участников обмена 1962 г. о полученном опыте жизни в СССР¹⁴. Это утверждение отражает диссонанс между американской и советской потребительской культурой, подчеркивая не только логистические трудности покупки продуктов, но и более широкий

процесс аккультурации, который пережили стажеры.

Самое первое разочарование было вызвано абсолютной неэффективностью советской розничной системы. Как описывает Н. Коллинз, то, что должно было быть простой транзакцией, могло занять непомерно много времени, поскольку покупка даже самых основных продуктов питания требовала прохождения нескольких очередей. Покупатели сначала выбирали товары и становились в очередь, чтобы продавец выдал чек, затем стояли в отдельной очереди, чтобы произвести оплату, прежде чем, наконец, снова становились в очередь, чтобы забрать свои товары, предъявив подтверждение оплаты¹⁵.

Этот многоступенчатый процесс усугублялся частыми дефицитами, поэтому обеспечение себя основными продуктами часто требовало как настойчивости, так и адаптивности. Однако трудности не заканчивались с самой покупкой. Отсутствие бытовых холодильников означало, что продукты питания приходилось приобретать и потреблять в гораздо более короткие сроки, чем привыкли американские студенты. Зимой стажеры перенимали распространенную советскую практику — хранение скоропортящихся продуктов на подоконнике снаружи, импровизированное решение, которое, хотя и было функциональным, подчеркивало резкий контраст между советскими и западными бытовыми удобствами¹⁶.

Если в методах и средствах деятельности расхождений с советским механизмом не было и все происходило «на общих основаниях», то состав рациона американских студентов значительно различался в зависимости от местоположения и финансовых обстоятельств. На эти различия влияли два основных фактора. Первый — это то, что американские стажеры получали стипендию, которая, по сравнению со стипендией их советских коллег, была относительно щедрой. Это позволяло им приобретать более качествен-

¹⁵ Collins N. Interview // ADST. 2013. P. 46–47. URL: <https://adst.org/OH%20TOCs/Collins-Naomi.pdf> (accessed: 12.09.2023).

¹⁶ Ibid. P. 47.

¹⁴ U.S. Students in Russia // Time. 1962. November 30. P. 66.

ные товары, особенно мясо. Однако доступ к таким товарам зависел от местной доступности, что обусловило второй фактор: расположение университета. В МГУ студенты могли гарантированно получить мясо (*bifstek*), товар, который становился все более дефицитным после сельскохозяйственных реформ Никиты Хрущева, приведших к широко распространенным проблемам с продовольствием. В отличие от большинства советских студентов американские стажеры имели доступ к специальному продуктовому магазину на территории университетского городка, для обозначения которого также использована транслитерация — *gastronome*¹⁷. Это позволяло им придерживаться диеты, которая, хотя и была все еще ограниченной, но значительно более богатой белком, чем у среднестатистического советского гражданина. В качестве примера кросс-культурной языковой игры британские студенты по обмену в МГУ придумали термин *beef Magoo* («мясо МГУ») для описания своего основного блюда, состоящего из мяса (*bifstek*), картофеля и лука. Термин с его юмористической англизацией русского заимствования быстро стал популярным среди иностранных студентов, отражая не только их кулинарную адаптацию, но и то, как юмор использовался в качестве механизма преодоления трудностей в том, что для многих было принципиально чуждой средой.

Научная деятельность в СССР: сложности и ограничения

Проведение исследований в Советском Союзе в первую очередь затрагивало вопросы доступа к источникам. Конкретные академические дисциплины, которыми занимались зарубежные стажеры, во многом определяли их опыт и препятствия, с которыми они сталкивались. Если в рамках обмена со странами Западной Европы США ориентировались на трансляции идей в сфере технологии и производства, то в СССР, наоборот, направляли представителей гуманитарных специальностей. За три первых года работы здесь побывали 8 специалистов по русскому языку

и литературе, целый ряд историков, а представители философского направления и смежных дисциплин стали участниками программы значительно позже.

Необходимо подчеркнуть определенную диспропорцию в политике США и СССР. Если американская сторона направляла ученых, чьи исследования были сосредоточены на русской или советской истории, языке и культуре, советские участники программы представляли преимущественно естественные науки. Их визиты в Соединенные Штаты в значительной степени были оформлены как возможности для приобретения технических знаний. В некоторой степени повторялась модель 1930-х гг., когда советские инженеры отправлялись изучать американские промышленные инновации с целью последующего внедрения этих методов в советскую систему. Этот контраст демонстрирует более широкий идеологический разрыв между двумя сверхдержавами: в то время как Советский Союз стремился использовать академические обмены для получения доступа к практическим технологическим достижениям, Соединенные Штаты рассматривали программу как возможность для культурного и интеллектуального взаимодействия.

Центральное место в корпусе воспоминаний американских студентов занимает описание трудностей и возможных вариантов их преодоления на пути к источникам. Приблизительный перечень этих трудностей попыталась составить А.С. Крымская. В ее работе указываются следующие факторы:

- статус и положение научного руководителя;
- составление плана работы и списка литературы для согласования;
- коммунистическая литература как часть библиографии;
- формализм заседаний кафедры;
- ограниченный доступ в библиотеки и архивы (Крымская, 2013).

Все указанные трудности были тесно взаимосвязаны друг с другом, хотя не все исследователи сталкивались с ними в одинаковой степени. Некоторые ученые испытывали трудности с самого начала, пытаясь получить одобрение своих исследовательских тем

¹⁷ U.S. Students in Russia // Time. 1962. November 30. P. 66.

и доступ к материалам. Другие, успешно преодолев эти начальные препятствия, оказались разочарованы жесткостью советских академических структур или логистическими недостатками архивных учреждений. Далее остановимся на конкретных проблемах, с которыми столкнулись американские стажеры в своих исследовательских начинаниях, анализируя их в хронологическом порядке, чтобы лучше понять эволюционирующий характер научного взаимодействия в советской академической среде.

Первый этап — это взаимодействие с иностранным отделом университета, административным органом, ответственным за надзор за иностранными студентами. Здесь происходило закрепление студентов за научными руководителями, при этом желание самих учащихся, как и профессорско-преподавательского состава, не уточнялось. Согласно анализу А.С. Крымской, многие из преподавателей шли на контакт с иностранцами с большой неохотой, отказываясь от встреч или наполняя их формализмом (Крымская, 2013, с. 128–129). Однако эта ситуация всегда была индивидуальной. Так, например, Ш. Фицпатрик в своих воспоминаниях благодарит профессора МГУ А.И. Овчаренко, который расширил круг предполагаемых к исследованию источников, к которым она могла обратиться, даже предоставив ей неожиданный доступ к архивным материалам¹⁸. Имея представление о существовании барьеров для допуска иностранцев к работе в архивах, она даже не рассчитывала на такую возможность, что подчеркивает различия в отношении к разным ученым в советской академической бюрократии.

Вторым камнем преткновения являлась тема исследования. Тема, которую заявляли иностранцы, желавшие оказаться в СССР, изначально проходила контроль еще на этапе отбора. При ее определении иностранцы оглядывались на доступность материалов по интересующему вопросу, что зачастую обуславливало «архаичность» темы¹⁹.

Однако по прибытии многие обнаружили, что их темы подверглись дополнительному уровню проверки, отражающему жесткие условности советской академической практики. Одной из наиболее ярких особенностей советских историографических норм было ожидание того, что тема исследования должна соответствовать полу исследователя. Например, «Революция 1905 года» считалась неподходящей темой для женщины-историка, а вопросами места женщин в истории как раз следовало заниматься им самим. Кроме того, новизна в исторических исследованиях часто не поощрялась, а нетрадиционные темы встречали сопротивление. Например, с точки зрения представителей советской исторической науки чумной бунт 1771 г. считался слишком узкой темой для отдельного исследования (*Adventures in Russian Historical Research...*, 2015, p. 17). Поэтому позже участники готовили к таким ситуациям: при необходимости они должны были принять предлагаемые методы работы и корректировки по содержанию, несмотря на отсутствие видимых на то оснований с точки зрения американской исследовательской школы. Возможно, по этой причине Ш. Фицпатрик достаточно спокойно восприняла изменение формулировки темы ее исследования без согласования с ней²⁰. Важно отметить, что как только тема исследования считалась приемлемой для советской стороны, иностранные ученые часто получали неожиданную институциональную поддержку, в том числе упрощенный доступ к избранным архивам и первоисточникам.

Наибольший резонанс в среде американских стажеров вызывал вопрос доступа к источникам в библиотеках и архивах. Несмотря на то, что правила работы были официально регламентированы, восприятие степени доступности архивов в воспоминаниях участников программы обмена содержит значительные различия. Некоторые ученые считали советские архивы непроницаемыми бюрократическими крепостями, в то время как другие сталкивались с определенной степенью

¹⁸ Filzpatrick S. A Student in Moscow, 1966 // *The Wilson Quarterly*. 1982. Vol. 6, no. 3. P. 135.

¹⁹ U.S. Students in Russia // *Time*. 1962. November 30. P. 66.

²⁰ Filzpatrick S. A Student in Moscow, 1966 // *The Wilson Quarterly*. 1982. Vol. 6, no. 3. P. 135.

институциональной гибкости, что могло зависеть от темы исследования, институциональной принадлежности и межличностных отношений с представителями советского академического сообщества. Среди препятствий в документах упоминается то, что в «Основных правилах работы государственных архивов» от 1962 г. были установлены единые требования по работе с документами для любых посетителей читального зала: ограниченность темой исследования, единовременная работа не более чем с 20 единицами хранения, срок работы с документом до 2 месяцев и только в читальном зале²¹. Однако чтобы оказаться в самом архиве, студентам требовалось потрудиться и получить одобрение в нескольких инстанциях. Так, Ш. Фицпатрик для осуществления исследовательской деятельности необходимо было одобрение со стороны иностранного отдела МГУ с дальнейшим подтверждением в Министерстве высшего образования СССР²².

Многие стажеры считали эти процедуры не просто бюрократическими формальностями, а преднамеренными препятствиями, призванными ограничить их исследовательские возможности. Действительно, стандартные архивные правила, такие как ограничения на количество документов, с которыми можно было ознакомиться, и требование, чтобы все материалы точно соответствовали заявленной исследователем теме (*Adventures in Russian Historical Research...*, 2015, pp. 17–18), воспринимались иностранными учеными как механизмы контроля, а не как стандартная административная политика.

Таким образом, опыт обмена определялся, с одной стороны, бюрократическим сопротивлением, а с другой — эпизодами профессиональной солидарности, что позволяет сделать вывод о возможности связей внутри академического сообщества преодолевать идеологические разногласия даже в годы холодной войны.

²¹ Основные правила работы государственных архивов // Главное архивное управление при Совете Министров СССР. Москва, 1962. С. 106–107, 116.

²² Filzpatrick S. A Student in Moscow, 1966 // *The Wilson Quarterly*. 1982. Vol. 6, no. 3. P. 135.

Заключение

Студенческие обмены между СССР и США в период холодной войны выступили одним из элементов «культурного потепления», одновременно позволив странам переоценить свои представления друг о друге, которые в условиях существования «железного занавеса» конструировались внутри держав.

Для обретения связи с действительностью существовавшие стереотипные образы должны были вступить в прямое погруженное взаимодействие с реальным миром «Другого». Студенческие обмены предлагали именно такой вид устойчивого, непосредственного воздействия. В отличие от других культурных инициатив, таких как выставки или спонсируемые государством туры, которые часто организовывались для укрепления определенных идеологических нарративов, академические обмены допускали более глубокую и органичную форму межкультурного взаимодействия. Стажеры были встроены как в интеллектуальную, так и в повседневную ткань советского общества, что давало им доступ к перспективам, которые в противном случае были бы недоступны.

Более того, эти программы обмена оставались одним из немногих устойчивых каналов прямого взаимодействия между сверхдержавами, особенно в период, когда большинство форм культурной дипломатии жестко контролировались и были крайне ограничены. В этих условиях академические обмены — в силу своей продолжительности и структуры — допускали уровень личного и интеллектуального взаимодействия, который могли предложить немногие другие инициативы. Таким образом, эти программы сыграли решающую, хотя часто и недооцененную, роль в формировании более тонкого понимания советско-американских отношений как на индивидуальном, так и на институциональном уровнях.

Американские стажеры, побывавшие в Советском Союзе, выстраивали свое восприятие Другого через несколько слоев социально-политического дискурса. С одной стороны, они опирались на уже существующие рамки холодной войны, которые изображали

Советский Союз как идеологического противника. Эти нарративы были глубоко укоренены в западном политическом и медийном дискурсе, формируя то, как многие американцы понимали советское общество еще до того, как ступили на землю СССР. С другой стороны, их прямое и длительное взаимодействие с советскими реалиями предоставило им возможность — хотя и пропущенную через их собственные культурные и интеллектуальные предположения — документировать и интерпретировать советскую жизнь с определенной степенью непосредственности. При этом они часто пытались примирить свой жизненный опыт с более широкими идеологическими конструктами, которые обусловили их ожидания.

Для многих образ Советского Союза оставался продолжением западных дискурсов превосходства, проявляясь в описаниях городских пейзажей, общественного транспорта и повседневной жизни, которые часто подчеркивали неэффективность управления советским государством. Эти представления, хотя и основанные на подлинных наблюдениях, часто формировались путем избирательной интерпретации и тенденции противопоставлять советские реалии американским нормам. Однако наряду с этими искажениями формировавшиеся нарративы также охватывали аспекты советской жизни с уровнем эмпирической точности, который выходил за рамки идеологической предвзятости. В эти моменты изображение советского Другого было не иерархическим противостоянием, а скорее культурным и системным различием — признанием альтернативного способа существования, а не прямым его отрицанием.

Несмотря на многочисленные инициативы, реализованные в рамках Соглашения между СССР и США об обменах в области

науки, технологий, образования, культуры и других областях, программа обмена в конечном итоге не достигла своей главной цели — содействия взаимному идеологическому сближению. Американские стажеры не вернулись домой обращенными в коммунизм, и их присутствие в Советском Союзе не послужило утверждением социалистической модели в глазах советских властей. Ожидаемое идеологическое воздействие на обе стороны осталось в значительной степени нереализованным.

Тем не менее программа имела значимые академические и интеллектуальные последствия. Одна из ее самых выдающихся участниц Шейла Фицпатрик стала ведущей фигурой в ревизионистской советской историографии — школе мысли, которая бросила вызов более жестким интерпретациям советской истории, распространенным на Западе. Ученые, такие как Ш. Фицпатрик, под влиянием непосредственного контакта с советской действительностью начали процесс переформатирования американской традиции советских исследований, привнеся в них глубину и комплексный подход и тем самым преодолевая устоявшиеся стереотипы в этой академической области.

В этом смысле программа академического обмена преуспела в подготовке хороших ученых, но не хороших дипломатов. Она не сблизила две сверхдержавы идеологически и не изменила принципиально политический ландшафт холодной войны, но при этом способствовала более глубокому и многомерному пониманию советской системы, интеллектуальному взаимодействию, которое, хотя и привело к политическим преобразованиям, тем не менее оказало долгосрочное влияние на изучение советской истории и культуры.

Поступила в редакцию / Received: 14.06.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 29.11.2024

Принята к публикации / Accepted: 24.12.2024

Библиографический список

- Бекленищева М. В. Иностранные студенты в советских ВУЗах в 1940–1980-е гг.: проблемы адаптации и взаимодействия (на материалах Свердловской области) // Человеческий капитал. 2021. № 4 (148). С. 42–57. EDN: RKCCUB
- Будник Г. А. Неформальное движение в ВУЗах Российской Федерации в период «оттепели» // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 2, № 2. С. 93–99. EDN: NUXXBT

- Крымская А. С. Советский образ жизни глазами американских стажеров 50–70-х гг. XX века: из воспоминаний и интервью // Новейшая история России. 2013. № 2. С. 125–139. EDN: QCJEHL
- Пыжиков А. В. Хрущевская «оттепель» 1953–1964 гг. Москва : ОЛМА-Пресс, 2002. EDN: YPGPRR
- Советская культурная дипломатия в условиях холодной войны. 1945–1989 / под ред. О. С. Нагорной. Москва : Политическая энциклопедия, 2018.
- Цветкова Н. А. Cultural imperialism: международная образовательная политика США в годы «холодной войны». Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006.
- Цветкова Н. А. Оценка эффективности международной образовательной политики СССР и США в годы «холодной войны» // 200 лет российско-американским отношениям : наука и образование / под ред. А. Чубарьяна, Б. Рубла. Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 378–394.
- Цветкова Н. А., Цветков И. А. Страх как фактор политики США и СССР в университетах Гватемалы и Кубы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 2. С. 170–184. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.2.12>; EDN: LLUMUQ
- Adventures in Russian Historical Research: Reminiscences of American Scholars from the Cold War to the Present / ed. by S. H. Baron, C. A. Frierson. London : Routledge, 2015.
- Almendral R. M. Feeling Nationhood While Telling Lives: Ego-Documents, Emotions and National Character During the Age of Revolutions // Emotions and Everyday Nationalism in Modern European History / ed. by A. Stynen, M. Van Ginderachter, X. M. Núñez Seixas. Routledge, 2020. P. 16–33. <https://doi.org/10.4324/9780429424939-1>
- Barnhisel G. Cold War Modernists: Art, Literature, and American Cultural Diplomacy. New York : Columbia University Press, 2015. <https://doi.org/10.7312/columbia/9780231162302.001.0001>
- Boddice R. The History of Emotions. Manchester : Manchester University Press, 2018.
- Byrnes R. F. Soviet-American Academic Exchanges, 1958–1975. Bloomington, IN : Indiana University Press, 1976.
- Croft C. Dancers as Diplomats : American Choreography in Cultural Exchange. Oxford : Oxford University Press, 2015. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199958191.001.0001>
- Hellbeck J. Revolution on My Mind : Writing a Diary Under Stalin. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2006. <https://doi.org/10.2307/j.ctvjghtjr>
- Jancke G. Autobiographie als soziale Praxis : Beziehungskonzepte in Selbstzeugnissen des 15. und 16. Jahrhunderts im deutschsprachigen Raum. Cologne-Weimar-Vienna : Böhlau, 2002.
- Magnússon S. G. At the Mercy of Emotions: Archives, Egodocuments and Microhistory // The Routledge History of Emotions in the Modern World / ed. by K. Barclay, P. N. Stearns. London : Routledge, 2022. P. 220–232.
- Plamper J. The History of Emotions : An Introduction. Oxford : Oxford University Press, 2015.
- Richmond Y. Cultural Exchange and the Cold War : Raising the Iron Curtain. University Park : Penn State University Press, 2003.
- Richmond Y. US-Soviet Cultural Exchanges, 1958–1986 : Who Wins? New York : Routledge, 1987. <https://doi.org/10.4324/9780429266850>
- Rosenwein B. H., Cristiani R. What is the History of Emotions? Cambridge : Polity, 2018.
- Roth-Ey K. Moscow Prime Time : How the Soviet Union Built the Media Empire That Lost the Cultural Cold War. Ithaca, NY : Cornell University Press, 2011.
- Slabáková R. Š. Remembering Emotions in Ego-documents: A Few Insights from Cognitive Psychology and Neuroscience // Dějiny-Teorie-Kritika. 2018. No. 1. P. 27–48.
- Tomoff K. Virtuosi Abroad : Soviet Music and Imperial Competition during the Early Cold War, 1945–1958. Ithaca, NY : Cornell University Press, 2015. <https://doi.org/10.7591/cornell/9780801453120.001.0001>
- Wulf A. J. US International Exhibitions During the Cold War : Winning Hearts and Minds Through Cultural Diplomacy. Rowman & Littlefield, 2015.
- Zhuk S. The ‘KGB People,’ Soviet Americanists and Soviet-American Academic Exchanges, 1958–1985 // The Soviet and Post-Soviet Review. 2017. Vol. 44, iss. 2. P. 133–167. <https://doi.org/10.1163/18763324-1201001>

Сведения об авторах:

Фокин Александр Александрович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории визуальной истории, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; доцент Института социальных наук, Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский университет); старший научный сотрудник Центра публичной истории Института общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы; eLibrary SPIN-код: 7974-0880; ORCID: 0000-0001-6637-9314; e-mail: aafokin@yandex.ru

Яновская Надежда Аркадьевна — независимый исследователь; e-mail: ian.nadia@yandex.ru